

О чем думаем,
о чем спорим

В ИСКУССТВЕ, В ЖИЗНИ, В БЫТУ

С. МЕЖИНСКИЙ,

народный артист
РСФСР

ИМЕННО этими словами Н. С. Хрущева, сказанными на XXII съезде КПСС, хотелось мне озаглавить статью — они дают внутреннюю возможность более четко организовать направление мыслей и чувств. Привожу это место из доклада полностью:

«В современных условиях надо уделить серьезное внимание эстетическому воспитанию, формированию художественных вкусов у всех советских людей, объявить решительную борьбу безвкусице, в чем бы она ни проявлялась — в формалистических увлечениях или в мешанских представлениях о «красивом» в искусстве, в жизни, в быту».

Какая обширная программа открывается для каждого, кто по роду своей профессии призван участвовать в формировании эстетических и художественных вкусов советского человека.

Подчас бывает так, что даже мелкая, но точно наблюдаемая деталь, психологический нюанс дают возможность проследить истоки возникновения безвкусицы.

...Троллейбус шел из Серебряного бора к центру Москвы. По обеим сторонам дороги возвышались новые кварталы домов, нарядно блистали витрины магазинов, виднелись высокие подъемные краны на строительных площадках.

На одной из остановок в троллейбус вошел мальчик — розовощекий крепыш лет десяти. Сам по себе паренек был хорош — ничего не скажешь! И в ученическом портфеле, возможно, хранились хорошие отметки, даже отличные. Но его форменная фуражка была сдвинута на затылок, а на лоб нарочито свисала густая прядь волос, воротничок был небрежно расстегнут. Во всем этом сквозило своеобразное понимание «красивости».

Когда мальчик вышел, я заметил, как он остановился возле рекламного стенда. Оттуда на него глядели физиономии юных киногероев, как две капли воды похожих на него самого. И мне припомнилась целая галерея подростков — персонажей кинокартин и спектаклей. Все они внешне в общем были на один лад. Правда, и в жизни такие бывают. К сожалению, это дает повод режиссерам, исполнителям ролей злоупотреблять в иных случаях этой чисто внешней, бытовой подробностью характеристик образов. Причем, нередко в этом отношении постановщики не делают различия между отрицательными персонажами и положительными — всех причисляют под одну гребенку. А ребята думают: раз на экране — значит модно, красиво. Плохая манера передается от одного паренюка к другому, рождая своеобразную цепную реакцию сомнительного вкуса.

Скажут — мелочи! Прическа, кепка! Стоит ли на это тратить столько внимания? Стоит! А. С. Макаренко утверждал, что вкус надо прививать с раннего детства. Плохой вкус прилипчив; вертляв и ловко маскируется. На хрупких, еще не окрепших побегах вкуса легко оседает пыльца безвкусицы.

МНЕ ВСПОМНИЛСЯ случай, свидетелем которого я оказался в одном из московских универмагов. Покупательница долго осматривала выставленные для обозрения пальто. Наконец, решила примерить одно из них. Оглянула себя в зеркале, отразившем небрежно и безвкусно сшитое сооружение какого-то неопределенно-пестрого цвета, и вернула пальто продавщице, с досадой молвив:

— Даром не надо!

Нет, это не было придирчивостью избалованной, капризной модницы. В этих словах звучала укоризна по адресу тех, кто лишен профессиональной гордости за свою работу.

Я невольно представил себе эту покупательницу в роли зрителя. Чего доброго, такая же фраза («Даром не надо!») — а если не дословно, а по смыслу — может прозвучать в зрительном зале.

Недавно я слышал оценку фильма, в которой была использована терминология бюро погоды: «Слабый до умеренного». Шутка, в которой, к сожалению, иной раз может оказаться и доля правды! Именно таких, «слабых до умеренного», произведений искусства зритель и не примет. Только отличное! Только высокое идейно-художественное качество! Этот девиз диктует советскому театру и кино сама жизнь. И здесь нельзя ждать от зрителя скидок.

Эстетические, художественные требования зрителя растут. Что же касается той части зрителей, которым эти качества еще малодоступны, — их художественные вкусы надо развивать. «Актёр — проповедник красоты и правды», — говорил К. С. Станиславский. А следовательно, и противник пошлости, мешанства, тупости во всех их проявлениях.

ЕЖЕВЕЧЕРНЕ во многих квартирах загорается свет голубого экрана и привлекает к себе внимание миллионов зрителей. Как широко и многообразно могут быть использованы все средства этого мобильного вида зрелища в формировании хороших художественных вкусов.

...Телевизионную студию довольно охотно и часто предоставляют для демонстрации мод. На экране мы видим элегантно сшитые платья, костюмы, пальто. Но, к сожалению, за кадром телевизора, в безопасной тени складов, таится от общественного мнения изделия, сотряпанные небрежно, безвкусно, без чувства профессиональной гордости за свою работу. Их тоже следует привлечь к участию в споре о вкусах и красоте, не пряча их от яркого света телевизионных юпитеров. Для назидания следует показать их крупным планом и с комментариями, достойными подобного сорта изделий.

...Телевизионную площадку на студии также щедро предоставляют и демонстрации танцев. Слов нет, танцуют изящно, но хотелось бы, чтобы объектив телекамеры однажды заглянул и на обычную танцплощадку, каких у нас много, и где молодежь проводит свой досуг. Зорко подметить бы здесь хо-

рошую и дурную манеру поведения, стиль танцев. Прокомментировать увиденное, привлечь к осуждению и молодежь, услышать ее мнение, познакомиться с ее вкусами, пожеланиями, претензиями.

Заранее можно предвидеть положительный резонанс, который вызовут также и передачи, посвященные красоте разговорной речи, правильности произношения.

...Ощущение атмосферы красоты всегда создает и соответствующую ей тональность поведения — иной стиль общения с людьми, манеры, внутреннюю дисциплинированность.

Давно уже существует московское метро, и вряд ли наберется много случаев, когда какой-нибудь пассажир бросил бы на пол окурок, клочок бумаги... А если это и случается, он сразу же ощущает на себе укоризненные, осуждающие взгляды окружающих, в которых он читает такую нетерпимость, что она, право, звучит строже, чем любой окрик, замечание, штраф. Перед лицом красоты каждый свидетель недостойного поведения рассматривает его не только как оскорбление своих гражданских, но и эстетических чувств. На таком прекрасном фоне лишним явлением протупает уродливое.

Как-то я прочел статью отца Германа Титова — Степана Павловича: «Секреты души человеческой». В ней было рассказано об интересном опыте двух индийских ученых, испытывавших воздействие музыки на рост цветов. Оказалось, что мимоза, около которой исполнялось музыкальное произведение, достигла высоты в полтора раза большей, чем цветок, который рос сам по себе, не ощущая на себе благотворного воздействия музыки. Под впечатлением этого полного поэтической прелести примера мне вспомнился примечательный эпизод.

В один из воскресных дней передавали по телевизору концерт детского хора. Исполнялась песня И. О. Дунаевского «Летите, голуби». Телекамера то приближалась к исполнителям, то отдалялась, затем снова приближалась. В один

из таких моментов она почти вплотную приблизилась к одному из мальчиков и показала его крупным планом. Его лицо мне показалось знакомым. Наконец, к моему изумлению, я его узнал — это был мальчуган с соседнего двора, озорник и заядлый дворовый футболист. Много с этим ершистым парнишкой бывало хлопот — он досаждал жильцам нижних этажей, опасно следившим за полетом его мяча. Не помогали никакие увещевания, просьбы. Паренек отвечал на них заносчиво — и вот он... поет. И как поет! Какая перемена во всем облике — гладко причесан, пояс затянут, держится стройно, не сводит послушных глаз с дирижера, и какое несвойственное этому озорнику выражение лица, глаз! Какая сосредоточенность, увлеченность. Смело скажем — артистичность! Чудесные, ни с чем не сравнимые мгновения приобщения к миру прекрасного! Зерна эстетической радости западали в юную душу, обещая хорошие всходы. Такова сила прекрасного, всегда находящая дорогу к сердцу человека.

Говоря о красоте, мы особенно чутки к проявлениям ее в области человеческих отношений. Красота взаимоотношений между людьми воспринимается нами, как проявление их духовной полноты и щедрости, благородства и бескорыстия, душевной деликатности. Тот, кому присуща эта прекрасная черта, как правило, ярче и глубже воспринимает красоту живописи, музыки, красоту творчества и создания. Человек душевно деликатный и в общении благотворно влияет на окружающих.

Долг людей советского искусства — чутко внимать нашему современнику, глубоко познающему в труде и творчестве, в человеческих взаимоотношениях красоту поэзии и романтики. Слово за теми, кто по роду своей творческой деятельности призван способствовать формированию, совершенствованию и углублению художественных и эстетических вкусов советских людей... «В ИСКУССТВЕ, В ЖИЗНИ, В БЫТУ».